

С.М.Хенкин

ПОТЕНЦИАЛ МАССОВОГО ПРОТЕСТА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПЕРЕМЕН

Условия жизни в посткоммунистической России нельзя охарактеризовать преобладанием одной тенденции – к ухудшению или улучшению. Либеральные реформы, сопровождаясь потерей социального статуса, бедами и лишениями миллионов людей, одновременно создали огромные возможности для индивидуального продвижения, потребления и обогащения. Противоречивый синтез негативно-позитивных тенденций обусловил существование перманентной общественной напряженности, многие годы, однако, не перераставшей, вопреки многочисленным мрачным прогнозам, в крупномасштабные «взрывы» с серьезными последствиями для страны в целом.

В условиях неразвитости гражданского общества, политико-правовых институтов и механизмов (например, отсутствия ситуации общественного договора в сфере трудовых отношений) массовое недовольство не укладывается в привычные для стабильных обществ рамки отношений между социальными группами и почти исключительно принимает форму акций протеста против существующей власти. Эта специфическая общественная активность, зачастую приобретающая стихийный характер, особенно усилилась весной–летом 1998 г. Бессрочные забастовки шахтеров, парализовавшие жизнеобеспечивающие транспортные артерии страны, массовые акции учителей, врачей, работников оборонной промышленности и других отраслей экономики засвидетельствовали, что отношения между гражданами и властью приобрели наиболее конфликтный характер за весь посткоммунистический период. Социально-психологическую атмосферу еще больше накалил финансовый кризис, разразившийся во второй половине августа.

Каковы же возможности и пределы массовых протестных акций, степень готовности к ним российского общества и власти, вероятные сценарии развития событий?

**Социальная
напряженность
и катастрофическое
сознание**

Причины массового недовольства россиян – это, естественно, задержки выплаты заработной платы и пенсий (явление, не имеющее аналогов в мире), растущая безработица, низкий уровень жизни, преступность, коррупция, неспособность государственной власти контролировать ситуацию в стране. В центре конфликтов между федеральной властью и основной массой населения – экономические проблемы, что вполне закономерно. Переход к рыночным условиям существования сопряжен с коренной ломкой устоявшегося жизненного

уклада десятков миллионов людей. Ситуация усугубляется тем, что в ходе осуществления реформ власти трактовали сложное взаимодействие между экономической эффективностью и социальной защитой явно в пользу первой. Крен в сторону экономической эффективности аргументировался тем, что переходному периоду имманентно присуще обострение социальных проблем, а потому защищенность может носить весьма относительный характер: положительный эффект от формирования рыночных отношений получают далеко не все и не сразу. Социальная сфера, рассматривавшаяся как рудимент советской эпохи, была выведена за рамки политики реформ. О необходимости ее перестройки заговорили лишь в середине 90-х годов, да и то больше в плане решения проблем минимизации расходов и перекладывания на плечи населения материальных затрат на социальную политику ввиду приоритетности осуществления жесткого антиинфляционного курса.

Результатом такого подхода стало резкое расслоение и поляризация населения по имущественному признаку, значительное увеличение масштабов бедности. По оценкам специалистов, 6–10% российских семей присваивают примерно 50% доходов и владеют 70–80% общественного богатства страны. Вместе с тем 20–30% семей терпят серьезные лишения, живут в разрушающихся домах, недоедают, болеют, преждевременно умирают¹.

К бедным относятся прежде всего работники бюджетных организаций и пенсионеры. Примечательно, что в наши дни обеспеченность работой не является гарантией от бедности. По некоторым данным, более 60% основных кормильцев в бедных семьях имеют постоянную работу. Таким образом, реальные масштабы бедности в России определяются сегодня вовсе не отсутствием работы или низким социально-профессиональным статусом работающих. Первопричина этого явления кроется в существующей системе оплаты труда, на которую влияют такие факторы, как включенность в предпринимательскую деятельность, наличие собственности, обладание ценными бумагами, место работы, род деятельности, возможность дополнительных заработков.

Бедность не всегда означает бедственные условия существования. Значительная часть людей, живущих отнюдь не благополучно, все-таки не обречена ныне на прямую нищету. По расчетам социологов, в России 1995–1997 г.:

- около 1/6 населения жило в благополучных условиях;
- до 1/3 – в крайней нищете и бедности;
- 1/2 – в промежуточно-противоречивых условиях².

Мировой опыт показывает, что существование трети населения, находящегося в бедственном положении, совсем не обязательно чревато социальными потрясениями. В чем-то сходную ситуацию переживали в 70–80-ые годы индустриально развитые страны Запада, за которыми закрепилась тогда характеристика «обществ двух третей». Технологическая перестройка производственной базы вытеснила здесь из полноценного экономического и социального существования широкие

¹ Заславская Т.И. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и задачи социальной политики. М., 1998. С. 6.

² Гордон Л., Терехин А., Будилова Е. Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным «Мониторинга экономических и социальных перемен») // ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Статья вторая. М., 1998. № 2. С. 18.

слои населения. Диапазон поведения этой маргинализованной массы, втянутой в процесс социальной деградации, был весьма широким – от пассивного непротивления до яростной агрессивности ко всему окружающему. И все же взрывы недовольства, принимавшего форму коллективного насилия (чаще они имели место в странах Южной Европы), носили краткосрочный характер. Западные общества оказались способны содержать массу обездоленных людей, зачастую не принимающих участия в создании национального продукта, и тем самым нейтрализовать негативные последствия широкомасштабной маргинализации.

В России угроза общественной стабильности со стороны бедствующего меньшинства значительно выше. И дело не только в намного меньшем запасе материально-финансовой прочности современного российского общества. Существенно и то, что место в социальной структуре, принадлежащее в индустриально развитых странах многочисленному среднему классу, в России занимают группы, находящиеся в неустойчивой, промежуточной ситуации. Согласно приведенным расчетам, это половина населения, которую нельзя отнести ни к явно благополучным, ни к несомненно бедствующим. Одни и те же люди, составляющие данную категорию, живут в противоречивых жизненных условиях. Так, у огромной массы работников, имевших в недавнем прошлом более высокие заработки (квалифицированные рабочие и инженеры ВПК), денежные доходы резко упали. Но у них сохранилось имущество, жилье, традиция благополучного быта. Напротив, у миллионов людей, преимущественно молодых, сумевших адаптироваться к рынку, появились большие деньги, которых, однако, часто недостаточно, чтобы быстро благоустроить свою жизнь. Нередко возникают совершенно невообразимые ситуации, когда приобретение драгоценностей или автомашины сочетается с обитанием чуть ли не в трущобах, плохим питанием, периодами безденежья и т.п.³

Неустойчивость положения полублагополучных–полубедствующих групп делает возможным стремительное движение их многочисленных представителей как вниз, так и вверх по социальной лестнице. Реализация первой альтернативы чревата их «смычкой» с бедствующей частью населения и возрастанием угрозы социальных взрывов.

Современное состояние российского общества стимулирует распространение в нем катастрофического типа сознания. В 1995 г., по данным специального опроса, 35% респондентов заявили о том, что боятся гражданской войны. По оценкам социологов, в катастрофическом менталитете переплетаются разные мотивы: растерянность, испуг и ужас от полного непонимания происходящего и, как следствие, трактовка наблюдаемых процессов исключительно в негативном свете; ощущение надвигающейся (или уже случившейся) собственной или групповой гибели, которая отождествляется с поражением всей нации; осознание неспособности лидеров нации эффективно управлять идущими в обществе процессами и вытекающая из этого «стратегия алармизма», привлечения всеобщего внимания к главным болевым точкам жизни

³ Гордон Л.,
Терехин А.,
Будилова Е.
Указ. соч.
Статья первая.
М., 1998. № 1.
С. 53–54.

общества с использованием проверенных историей терминов «катастрофа», «гибель», «спасение»⁴.

⁴ *Независимая газета*. 12.01.1996.

Катастрофические представления стихийно рождаются в недрах массового сознания как реакция на тяготы бытия и потерю базовых ориентаций. Во многом их распространение связано с тем, что существующий режим пренебрег аргументированным разъяснением проводимой политики и не сформулировал ее цели. Курс на идеологизацию, проводившийся властью с начала 90-х годов, привел к тому, что инициативу в сфере распространения идей перехватили, вкуче с левой оппозицией, финансово-промышленные группы, зачастую ведущие активную антиправительственную пропаганду и эффективно контролирующее общественное сознание с помощью своих медиаимперий. Ситуация усугубляется позицией интеллигенции, которая, с одной стороны, в соответствии с давней российской традицией, противостоит власти, а с другой – негативно относится к жизнестроительной работе, фокусируя основное внимание на недостатках системы и страданиях людей. В большинстве СМИ многие годы не было слышно голосов людей, выигравших от реформ: присутствовал лишь плач по «униженным и оскорбленным», мрачный отбор жизненных фактов, «чернуха»⁵.

⁵ *Известия*. 17.02.1998.

Примером тотальной критики политики властей и драматизации ситуации в собственных целях может служить освещение в СМИ забастовочных акций весны–лета 1998 г. «Почти все (за исключением РТР) телеканалы, многие радиостанции и газеты на протяжении двух месяцев между 20 мая и 15 июля (1998 г. – С.Х.) представляли исключительно одних шахтеров, оборонщиков, медработников из нескольких депрессивных регионов, начисто позабыв об остальных. Сюжеты главных выпусков новостей подбирались таким образом, чтобы у зрителя осталось ощущение, что земля буквально разверзается под ногами. Практически был введен запрет на другого рода социальную информацию, на все то, что не укладывалось в концепцию катастрофизма. Важно было, видимо, посадить население на иглу превратных представлений о реальности», – отмечает социолог Д.Дондурей⁶.

⁶ *Там же*. 5.08.1998.

Информационные кампании такого рода способствуют своеобразной аберрации зрения миллионов людей, в том числе выигравших от реформ, которые живут с навязанным ощущением, что находятся в условиях крайней нужды.

Сказанное подтверждают данные всероссийских репрезентативных обследований 1995–1998 гг. Согласно им, материально-экономическое положение 15% опрошенных бесспорно благополучно. Но субъективно свое положение считают хорошим только 5% респондентов; говорят, что жизнь их более или менее устраивает – менее 10%. В тех же обследованиях доля материально бедствующих превышает по совокупности критериев 30%. Между тем на своем плохом и очень плохом материальном положении настаивают примерно 90% опро-

⁷ Гордон Л.А. *Общество «недовольных». Особенности массового сознания в переходный период // Дилигенский Г.Г., Гордон Л.А. Социально-психологические факторы общественной напряженности. Доклад. М., 1998. Ситуационный центр президента Российской Федерации (ротапринт). С. 24–25.*

⁸ Там же. С. 25.

Социальный характер массового протеста

шенных, в том числе 35–40% заявляют, что не могут больше терпеть бедственные условия существования⁷.

Превышение негативизма субъективных оценок сравнительно с объективным весом отрицательных и положительных перемен объясняется, естественно, не только идеологическим воздействием на население. Играть роль и социально-психологические факторы, в частности, новизна, непривычность многих позитивных явлений в противоположность привычной традиционности того, что теряется. Так, преодоление дефицита, очередей, появление свободы потребительского выбора обычно воспринимается как гораздо меньшее благо по сравнению с тяготами дороговизны и низких доходов. Некоторые потенциально положительные перемены начинают играть реальную роль лишь после того, как миллионы людей освоят новые возможности, научатся пользоваться ими, что требует подчас немало времени⁸.

Распространение идеологии катастрофизма неотделимо от неудовлетворенности десятков миллионов людей своим положением и существующей общественной ситуацией. Взяв за критерий те или иные мотивы этой неудовлетворенности, эксперты выделяют три основные группы населения:

- рабочие и служащие государственных предприятий, интеллигенция (учителя, врачи, ученые);
- безработные, пенсионеры, студенты и служащие ВС и МВД;
- работники торговли и сферы услуг, коммерсанты и предприниматели.

В первых двух группах преобладают мотивы, связанные с недовольством своей бедностью, озабоченностью «ослаблением России». У рабочих и служащих к этим мотивам добавляется недовольство распродажей за бесценок в ходе приватизации их предприятий и невозможностью полноправного участия в ее новом этапе, у интеллигенции – тревога за упадок нравственности, у служащих ВС и МВД – озабоченность ослаблением и деморализацией армии, снижением ее боеспособности. Для работников торговли и сферы услуг, коммерсантов и предпринимателей главная причина тревоги – защита своего нового статуса, удержание собственности⁹.

Очевидно, что мировоззренческая позиция россиян определяется их системой ценностей, на которую накладывается восприятие существующих проблем. Протестными настроениями охвачены прежде всего группы населения, пострадавшие от реформ, видящие корень своих бед в их антиэтатистской и антисоциалистической направленности. Вместе с тем существует и «прореформаторское» недовольство, носителями которого выступают слои, неудовлетворенные по тем или иным причинам ходом, методами и результатами перемен.

⁹ Ведущие политологи о ситуации в России // *Власть*. 1995. № 1. С. 8–9.

Таблица 1 Ориентации и отношение к протестам
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1994–1996 гг.	Ноябрь 1996 г.	Март 1997 г.
Выступления вполне возможны			
Все не так плохо	18	33	42
Можно терпеть	23	32	38
Терпеть невозможно	35	50	52
Отношение к реформам			
Продолжать	23	39	43
Прекратить	34	49	51
Намерены участвовать			
Все не так плохо	11	10	10
Можно терпеть	18	17	21
Терпеть невозможно	35	39	46
Отношение к реформам			
Продолжать	16	19	21
Прекратить	34	36	44

Источник: Ю. Левада. Массовый протест: потенциал и пределы // ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 3. С. 8.

¹⁰ В июле 1998 г. в наибольшей степени были готовы участвовать в акциях протеста, в частности, домохозяйки и безработные – 35,3%, рабочие – 31,9%, руководители – 31,6%, пенсионеры – 27%, служащие – 22,2%, специалисты – 21,2% и учащиеся – 11,8%, люди старше 30 лет – 32% (лица до 29 лет – 15,7%), мужчины – 31,2%, женщины – 24,2%. // ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. М., 1998. № 5. С. 58, 62.

Из таблицы видно, что отнюдь не все недовольные намерены принимать участие в акциях протеста, оставаясь на пассивных позициях. В то же время доля активно недовольных заметно выше среди сторонников прекращения реформ¹⁰.

Показатели протестной активности заметно выросли с конца 1996 г. Происшедшие в это время сдвиги в массовом сознании во многом стали реакцией на отсутствие изменений к лучшему в материальных условиях существования после вторичного избрания Б. Ельцина президентом. Казавшийся поначалу безграничным запас терпения начал иссякать, и, соответственно, заметно возросли уровень ожидания массовых выступлений и степень готовности в них участвовать. Из таблицы 2 видно, что первый показатель намного выше второго, что вполне естественно, поскольку «ожидания» включают в себя и опасения массовых выступлений, и просто прогноз будущих событий без намерения в них участвовать.

Таблица 2 Оценки возможности массовых протестов и готовность участвовать в них (в % к числу опрошенных)

Средние данные с апреля 1994 г. по сентябрь 1996 г.	Отношение к массовым протестам	1994–1996 г.	Ноябрь 1996 г.	Март 1997 г.	Июль 1998 г.
Считают выступления «вполне возможными»		27	40	45	40
Намерены участвовать		23	26	31	27

Составлено по: Ю. Левада. Массовый протест: потенциал и пределы // ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 3. С. 7; Информация: результаты опросов. Там же. 1998. № 5. С. 57, 62.

Соотношение показателей ожидания массовых выступлений и готовности в них участвовать заметно различается на региональном уровне. Так, в Москве оно составляло 48:15, на Севере – 44:31, Юге – 50:32, Предуралье – Урале – 36:25, Сибири и Дальнем Востоке – 48:43 (март 1997 г.)¹¹. Огромный разрыв между ожиданиями и действиями в столице понятен. Здесь ожидания в большей степени определяются политизированной атмосферой, чем социально-экономическим положением населения. Напротив, в Сибири и на Дальнем Востоке, где показатели ожиданий и действий почти совпали, преобладают односторонняя военно-промышленная ориентация и антиреформаторские настроения. Показатели остальных регионов расположены между этими полюсами.

В «поселенческой» структуре настроений протеста примечательно и то, что доля населения больших городов снизилась в пользу малых. Жители малых городов и сел составляют основную массу изъявляющих декларативную готовность участвовать в протестных действиях (табл. 3).

Социологические исследования показывают, что декларативные намерения участвовать в акциях протеста и само участие – это далеко не одно и то же. Доля реального участия в протестных акциях в несколько раз ниже соответствующих настроений. Например, за 12 месяцев 1996–1997 гг. (с мая по май) в такой наиболее распространенной форме протеста, как забастовка, участвовало не более 3% населения, столько же, сколько за аналогичный период 1997–1998 гг. Однако за этой, казалось бы, небольшой цифрой скрываются тысячи выступлений, серьезно воздействующих на общественную ситуацию, сотни тысяч людей, вступающих в противостояние с властями и активно отстаивающих свои права.

¹¹ Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 3. С. 8.

Таблица 3 Намерения участвовать в выступлениях
(в % к числу опрошенных по типам поселений)

Тип поселений	Намерены участвовать		
	1994–1996 гг.	Ноябрь 1996 г.	Март 1997 г.
Москва и С.–Петербург	4	5	5
Большие города	27	18	19
Малые города	44	50	47
Села	30	27	29

Источник: Ю.Левада. Массовый протест: потенциал и пределы // ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 3. С. 8.

Размах забастовочного движения в России нарастает. По данным Госкомстата РФ, в 1997 г. забастовки продолжительностью более одной смены состоялись на 17007 предприятиях, т.е. количество производственных объединений, включившихся в стачечное движение, выросло за это время более чем вдвое. Одновременно увеличилась численность участников забастовок. Если в 1996 г. бастовало почти 664 тыс. человек, то в 1997 г. их стало уже более 887 тыс. человек, что примерно на 223,5 тыс. человек (или в 1,3 раза) превысило количество стачечников 1996 г. Значительно возросли длительность и напряженность забастовок. Так, в 1997 г. средняя продолжительность одной стачки составила 6,8 дня, увеличившись по сравнению с 1995 г. почти в 2,5 раза. В забастовочных акциях 1997 г. приняли участие коллективы таких крупнейших российских производственных объединений, как «Ростсельмаш», Кировский, Балтийский заводы и завод «Русский дизель» в Петербурге, Норильский горно-металлургический комбинат, Липецкий тракторный завод, судостроительный завод «Янтарь» в Калининграде и многие другие предприятия¹².

Заметно расширилась «география» забастовочного движения. В 1997 г. стачки состоялись в 67 республиках, краях и областях России. Всего за три года (с 1994 по 1997 гг.) доля бастующих регионов увеличилась в 1,8 раза (с 42 до 75%). Правда, при этом нельзя не отметить, что в 90-е годы забастовки регулярно проходили только в десяти краях и областях России¹³. Дезинтеграционные процессы в отношениях «центр – регионы», с одной стороны, и разница в экономическом развитии различных субъектов федерации, с другой, затрудняют массовые выступления общенационального масштаба.

В отличие от стран Запада, где забастовки, как правило, оторваны, изолированы от политических событий и не выходят за рамки трудовых отношений, в России трудовые коллективы чаще всего обвиняют в своих бедах федеральные власти. При этом трудящиеся не всегда оказываются

¹² Каца А.М. Забастовки и другие формы коллективного протеста трудящихся России в 1997 году // *Альтернативы*. 1998. № 2. С. 59–60.

¹³ Там же. С. 60–61.

правы. Дело в том, что в последние годы вследствие приватизации роль государства в экономике начала сокращаться. Теперь ответственными за выплату заработной платы все чаще становятся собственники и директора предприятий. Между тем многие руководители предприятий не платят друг другу, не платят налоги и предпочитают «крутить» деньги на «левые» коммерческие операции. Их вполне устраивает старая ориентация трудящихся, возлагающих всю ответственность на власти.

Примечательно, что акции против абстрактной власти, президента или правительства не отличаются постоянством. Люди, сегодня выступающие против власти, завтра могут обратиться к ней же за помощью, что свидетельствует об отсутствии глубокого осознания собственных интересов и сохранении патерналистской веры в государство у российских трудящихся.

Характерно также, что массовый протест, как правило, не вдохновляется позитивными общественными идеалами. Он обращен не к будущему, а к прошлому, государственной опеке, которая идеализируется и рассматривается как некая панацея.

Сильные и слабые стороны протестных акций хорошо видны на примере шахтерских выступлений. Горняки представляют собой силу, реально влияющую на обстановку в стране. Это стало очевидно еще в конце 80-х–начале 90-х годов, когда они выступили в авангарде сил обновления. Их политическая активность, развиваясь неравномерно, тем не менее не спадала и позже, достигнув кульминации в 1998 г.

Шахтеры не входят в категорию бедных. Их скорее можно отнести к уже упоминавшимся полублагополучным–полубедствующим группам, которые численно преобладают в российском обществе. На протяжении 1990–1997 гг. начисленная заработная плата работников угольной промышленности стабильно превышала средний уровень зарплаток в стране, а также средний уровень зарплаток по всей промышленности более чем в 1,5 раза¹⁴. И тем не менее именно угольщики выдвинулись на лидирующие позиции в акциях массового протеста. Причин тому несколько. Сказались длительные задержки выплат заработной платы, закрытие градообразующих предприятий, недостаточное финансирование социальной сферы шахтерских городов и поселков. Свою роль сыграл и характер шахтерского труда, отсутствие у горняков тех возможностей социальной мобильности, которые есть у представителей других специальностей. Так, многие работники предприятий военно-промышленного комплекса в условиях краха своей отрасли резко сменили профессию, став мелкими предпринимателями, торговцами и т.д. Учителя и врачи, страдающие от постоянных невыплат заработной платы, имеют возможность дополнительных доходов (репетиторство, частная практика). Горняки, в отличие от всех этих категорий трудящихся, привязаны к шахте и лишены альтернативных источников дохода. Существенно также, что уровень коллективизма и солидарности шахтеров выше, чем представителей других профессий, зачастую разрозненных и разобщенных.

¹⁴ Кожуховский И.С., Бродский В.А., Голодец О.Ю., Горлин Ю.М., Борисов В.А. Реструктуризация угольной промышленности: опыт, проблемы, перспективы. М., 1998. Ситуационный центр президента Российской Федерации (роптапринт). С. 33.

Примечательна эволюция характера шахтерских выступлений. Если на рубеже 90-х годов они отличались демократической направленностью, то теперь апеллируют скорее к прошлому – государственной поддержке отсталой и нерентабельной угольной отрасли. В арсенале методов борьбы шахтеров появилось такое незаконное, противоправное средство, как перекрытие движения на железных дорогах, наносящее огромный ущерб российской экономике. Справедливые требования заработной платы порой перерастают в истерику и шантаж. Акции протеста подогреваются отраслевыми лоббистами – директорами шахт, фирмами-посредниками, местной администрацией, стремящимися получить дополнительные ассигнования и льготные кредиты от федеральных властей.

Вообще во второй половине 90-х годов в обстановке растущего недовольства политической властью в России получают все большее распространение противоправные формы протеста (голодовки, блокирование взлетных полос аэродромов, захват заложников из представителей местной власти и т.д.). В целом, однако, большинство работников тяготеет к мирным формам выступлений – забастовкам, демонстрациям, митингам, пикетированию. Экстремистские действия, связанные с массовым насилием и нарушением общественного порядка, находят поддержку у немногих. По данным Института социологии парламентаризма, «перекрытием автомобильных и железных дорог» занимались бы 8% респондентов. На «захват предприятий, организаций, учреждений» отважились бы 6%. Столько же изъявили готовность принять участие в «стихийных бунтах»¹⁵.

¹⁵ Известия.
5.09.1998.

Еще раз отмечу, что речь идет лишь о намерении действовать, а не о самом действии. Переход от «слова к делу» зависит от множества обстоятельств, действующих «за» и «против», и реализуется далеко не всегда.

**Что
препятствует
социальным
взрывам?**

Существует целый комплекс факторов, которые гасят социальное возмущение населения. Отчасти дело в том, что социальная ткань российского общества распалась. Оно деинституционализировано, атомизировано, хаотично, живущие в нем в обстановке идейного вакуума постсоветские люди чаще всего озабочены проблемами индивидуального выживания. Они не чувствуют своей принадлежности к определенной группе интересов и не способны к солидарным протестным акциям. Это обстоятельство коренным образом отличает природу социальной конфликтности в России от стран Запада, где ее также низкий уровень объясняется умением рабочих, осознающих свои интересы, согласовывать их с предпринимателями и государством. Уже упоминавшиеся выступления анархистского типа, эти своего рода жесты отчаяния – свидетельство того, что цивилизованные демократические формы защиты интересов еще не привились среди многочисленных групп российских трудящихся.

Весьма низкий потенциал активности связан с неверием значительной части трудящихся в эффективность действий протеста в связи со слабостью профсоюзов, их низкими мобилизационными способностями, отсутствием харизматических лидеров. Рабочие, в полном соответствии с вековой российской традицией подчинения «хозяину» и ожидания от него ответного патернализма, видят защитника своих интересов прежде всего в фабричных и заводских начальниках, а не в профсоюзах. Распространению этой установки способствует доминирование в сфере трудовых отношений старых квазипрофсоюзов (в лице Федерации независимых профсоюзов России), качественно мало изменившихся по сравнению с советским периодом, в деятельности которых отсутствует главная функция, делающая профсоюз профсоюзом, — отстаивание интересов наемных работников. Их руководство по-прежнему воспринимается массовым сознанием как часть хозяйственной бюрократии. А новые, подлинные профсоюзы, действительно защищающие интересы работников, в силу целого ряда причин (неразвитость традиции самоорганизации, отсутствие поддержки демократических сил, жесткое давление со стороны как директората, не привыкшего к самостоятельным органам представительства работников, так и старых профсоюзов, стремящихся к монополизму, и т.д.) слабы.

Недостаточны для развертывания крупномасштабных акций протеста и мобилизационные возможности оппозиционных партий. Количество участников «всероссийских» акций протеста и других манифестаций постоянно оказывается намного ниже, чем обещают их организаторы.

Относительно небольшие масштабы протестной активности объясняются также тем, что значительная часть населения так или иначе адаптировалась к новой социально-экономической реальности. Люди находят второе место работы, дополнительные доходы в теневой экономике. Репрезентативный опрос Центра международных социологических исследований свидетельствует о том, что Россия — страна совместителей и подработчиков. Дополнительные заработки имеет подавляющее число респондентов (61%). «Левый» заработок связан в основном с торговлей: 28% продают продукты и ширпотреб зарубежного производства, 25% — отечественного. Посредническими услугами занимаются 24%, сдачей в аренду жилья — 8%, работой по найму в зарубежных компаниях — 7%. Еще 8% опрошенных указали другие формы «совместительства», главным образом незаконные: рэкет, квартирные аферы¹⁶.

¹⁶ Там же.
30.10.1998.

Людям помогают выжить в экстремальных условиях приусадебные (23%) и дачные (21%) участки и урожаи с них. Продукты с дешевых оптовых рынков спасают 22% населения. Еще 9% уповают на продовольственную помощь родственников из деревни. 12% добывают продукты питания сами — охотой, рыболовством, сбором грибов и ягод, 5% переживают кризис благодаря сбережениям в банках. Для 8% опрошенных способ выживания — частные уроки, для 2% — частный

¹⁷ Там же.

извоз¹⁷. Многие проблемы разрешаются на уровне семьи. Например, один член семьи не получает заработную плату, но ее имеет другой, получает пенсию пенсионер.

Терпение десятков миллионов людей связано также с их стремлением избежать кровавой конфронтации, «русского бунта» (что, кстати говоря, подтверждается отрицательным отношением большинства россиян к войне в Чечне). Дело в том, что в 60–80-ые годы материальное положение населения СССР выросло по сравнению с довоенными и первыми послевоенными годами. Опасаясь потерять приобретенные блага, пусть даже весьма скромные, часть россиян снизила уровень запросов, проявила готовность со многим примириться, дабы сохранить хотя бы «то, что есть».

Существенную сдерживающую роль играет и то, что за годы гласности население России узнало как никогда прежде много о советском периоде истории страны и его многомиллионных жертвах. Относительно высокий уровень терпения населения определяется и сохраняющейся у части людей верой в представителей нынешней власти.

Социальное возмущение гасится также кризисом идеологических ценностей, массовым отчуждением больших групп населения от политики, их безраздельной сосредоточенностью на собственных проблемах, усталостью и неверием в то, что что-то можно изменить.

Фактор, удерживающий часть рабочих и служащих от участия в протестных действиях, – их унаследованное от советских времен стремление быть «как все», равняться «на середину», «не высовываться». Забастовка для них – это «смута, наносящая вред обществу». В условиях кризиса и растущей безработицы конформистские ориентации усиливаются страхом потерять работу.

Сказываются и особенности российской политической культуры, в частности, традиция православия, всегда проповедовавшая презрение к богатству и рассматривавшая умеренность и терпение как высшую добродетель. Эта же традиция поддерживалась официальной советской идеологией, призывавшей «перенести сегодняшние трудности во имя светлого будущего».

Наглядное подтверждение силы всех этих факторов – ограниченителей массового протеста – социально-политическая обстановка в России после 17 августа 1998 г. В результате кризиса были утрачены многие достижения существующего режима – более или менее твердая национальная валюта, низкий, но относительно устойчивый уровень жизни населения, а сама власть оказалась дискредитированной. Кризис больно ударил по значительной части населения, прежде всего формирующемуся среднему классу – опоре реформ 90-х годов. При всем этом в стране не произошло выступлений, представлявших собой сколько-нибудь серьезную угрозу для режима. Представляется, что те группы населения, которые восприняли рыночные ценности и условия игры, не приемлют радикальных способов воздействия на власть, отдавая предпочтение проведению выборов.

Относительно низкий уровень участия россиян в акциях протеста вовсе не защищает существующую социально-политическую систему от катаклизмов. Растущее общественное недовольство совсем не обязательно проявляется в уличных действиях. Протест может выражаться в самых разных формах поведения – например, голосовании за оппозиционные партии на выборах, политическом абсентеизме, поддержке харизматических лидеров, принимающих популистские решения, неисполнении законов, халтурной работе, воровстве.

В этом плане характерны итоги выборов в Государственную Думу, состоявшихся в 1993 и 1995 г. Успех на них соответственно ЛДПР и КПРФ стал в определенной мере способом выражения протеста россиян против проводившегося курса реформ. Примечательно, что многие люди, проголосовавшие за оппозицию, не отвергали реформы в принципе. Они хотели «других реформ», более социально ориентированных.

По мнению отечественных специалистов, из-за отсутствия четко структурированного гражданского общества социальная напряженность в России выражается в специфических формах. Ученые оспаривают применимость к нашим условиям методики известного французского социолога А. Турена, согласно которой существуют четыре ступени напряженности и только последняя чревата общим социальным взрывом. По этой шкале напряженность в российском обществе находится где-то между первой и второй ступенями, т.е. не очень высока. Между тем в своеобразных отечественных условиях она выступает в иных формах и требует иных способов оценки. Признаков четвертой стадии, близкой к общему взрыву, может и не быть, но социальная напряженность достигает высокого накала, проявляясь в необычных формах поведения многочисленных групп населения¹⁸.

¹⁸ Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. 1994. № 2. С. 115.

Альтернативные сценарии

Учитывая специфику проявления социальной напряженности в России, нельзя игнорировать то обстоятельство, что уровень терпения населения – это отнюдь не некая застывшая величина. В обстановке переходного периода быстро меняются настроения людей, критерии оценки ими деятельности государственных структур, политических лидеров и соответственно формы их поведения. Социальные группы, кажущиеся относительно спокойными, могут вдруг стать инициаторами открытых деструктивных конфликтов. Это тем более вероятно потому, что смена общего ожидания скорых благоприятных перемен разочарованием в нынешнем курсе реформ создает среди части общественности мощный фон негативных эмоций, агрессивнo-враждебную атмосферу нетерпимости, поисков «виновного» или коллективной вины.

Возможность быстрой и внезапной смены настроений многими людьми определяется и типичной для переходного времени противоречивостью, разорванностью массового сознания, в котором существуют противоположные и взаимоисключающие ориентации: готовность к самоограничению, стойкому перенесению тягот переходного периода и конфронтационная, радикалистская ментальность, унаследованная от

всей предшествующей истории России, потребность в свободе, связанной с бременем ответственности, и привычка к покорности, подчинению директивам сверху, уже отмечавшиеся недоверчиво-настороженное отношение к государству и иждивенческие настроения, упование на него как на «подателя благ». Изменения в социально-экономической ситуации, расстановке политических сил выдвигают на передний план разные компоненты массового сознания, придавая его противоречиям новое качество.

Социологам известно, что политическая ситуация в стране развивается под влиянием психологически «активного меньшинства» граждан и их «давления» на «пассивное большинство». По данным Института социологии парламентаризма, в России удельный вес политически активных граждан составляет 10–12% населения страны, причем лишь меньшая часть их участвует в работе партий и движений. Остальные граждане – вне партий, вне каких-либо организованных форм политической борьбы. Зачастую «отторгнутые» от экономических и социально-политических процессов, они не считают нынешнее время «своим». В случае, если не будут созданы условия для включения этой стихийной массы наиболее деятельных людей страны в политические процессы, она может стать «бикфордовым шнуром» возможных социальных катаклизмов¹⁹.

¹⁹ *Общая газета.*
24–30.06.1994.

Иными словами, эффективность ресурсов и акций социального протеста следует оценивать отнюдь не только количественными параметрами. Можно согласиться с Ю.А.Левадой, полагающим, что сейчас «сила выступлений протеста не в их организованности или многочисленности по российским меркам, а в слабости противостоящих им (или, скажем, пытающихся их как-то сдержать или использовать в своих интересах) сил, т.е. государственных и политических институтов. От этого соотношения в конечном счете зависит, останутся ли реальным результатом протестной волны морально-психологические выигрыши/потери сторон или она станет средством для изменения социально-политической ситуации в стране»²⁰.

²⁰ *Левада Ю.*
Активы и ресурсы общественного мнения // ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 1998.
№ 4. С. 11.

Путь к развязыванию конфликтов в российском обществе открывает и отсутствие консенсуса по базовым ценностям между различными социально-политическими силами, столкновения между активными группами населения по острым проблемам экономических реформ, конкретным политическим вопросам.

Насколько далеко могут зайти протестные действия?

Финансовый кризис создал ситуацию, в которой развитие массового протеста может пойти различными путями. На мой взгляд, теоретически возможны три основных сценария.

1. *Сохранение статус-кво.* Вариант предполагает постоянные протестные акции (либо локальные, либо скоординированные на региональном или отраслевом уровне), дестабилизирующие общественную ситуацию, дезорганизирующие и обескровливающие экономику. Возможен массовый «выброс» голосов протеста на выборах в федеральные органы

власти, чреватый самыми неприятными последствиями для режима. Сценарий вероятен, если социально-экономическая ситуация не улучшится, а власть по-прежнему будет вызывать раздражение и негативизм.

2. *Снижение остроты социальной напряженности.* При этом конфликты остаются, но утрачивают черты экстремизма и агрессии. Сценарий предполагает осуществление властями более или менее эффективной социально-экономической политики и нормализацию ситуации.

3. *Массовые протесты и беспорядки общенационального характера, перерастающие в социальный хаос, результат которого – падение режима.*

Такой поворот событий («индонезийский вариант») возможен в случае, если неэффективные действия правительства приведут к массовым остановкам производства, товарному дефициту, пустым полкам в магазинах, запретам местных властей на вывоз товаров из своих регионов, всеобщему переходу на бартер.

Вместе с тем отечественные реалии могут породить и такие сценарии эволюции социальной напряженности и массового протеста, которые сейчас трудно себе представить.

В долгосрочной перспективе следует иметь в виду, что сложнейшая общественная ломка, в ходе которой переход от модели государственного социализма совпадает по времени с научно-индустриальной модернизацией, создает основу для длительного существования в России широкого недовольства, включающего пассивные и активные, антиреформаторские и прореформаторские потоки. Его неспособно «снять» даже начало экономического подъема, поскольку последний приобретает устойчивый характер лишь в случае глубоких социокультурных сдвигов, адекватных рыночной экономике и затрагивающих трудовую этику, ценности и привычки самих работников, – сдвигов, на которые уйдут десятилетия.

Л.А.Гордон, обстоятельно исследовавший истоки социального недовольства в современной России, обращает внимание и на то, что состояние удовлетворенности, ощущение социальной ситуации как нормальной достигается лишь тогда, когда все устройство жизни отвечает привычным, в значительной степени неосознаваемым, либо подсознательным представлениям о должном и правильном. Между тем механизмы массового (да и индивидуального) сознания устроены таким образом, что основные представления формируются в начале жизни, на этапе первичной социализации. Не удивительно поэтому, что лучше адаптируется к нынешней жизни молодежь, а значительная часть населения зрелого и пожилого возраста, включая и небедствующих людей, чувствует себя в ней если не чужими, то «не вполне своими». Подсознательное ощущение «неправильности» жизнеустройства и порождаемое им недовольство не исчезнут из массового сознания до тех пор, пока не произойдет смена поколений²¹.

²¹ Гордон Л.А. Указ. соч. С. 29–30.

В этом контексте очевидно, что угроза социально-политической стабильности не может быть ликвидирована при длительном существовании в обществе преимущественно пассивных форм недовольства. Ситуация, когда многочисленные группы населения недовольны властью и своим положением, ожидают выступлений протеста и морально поддерживают тех, кто в них участвует, электризует общественную атмосферу. Воздействие факторов самого разного порядка может привести к тому, что грань, отделяющая декларативные намерения участвовать в акциях протеста от реальных действий, будет перейдена.

Нужна технология разрешения конфликтов

Возможность перерастания напряженности в крупномасштабные конфликты актуализирует проблему управления ими. Однако российские государственные институты оказались неподготовленными к ее решению. Причин тому несколько.

Во-первых, в эпоху существования командно-административной системы в СССР доминировала бесконфликтная модель развития, в соответствии с которой конфликт рассматривался как вредный и опасный феномен.

Во-вторых, в современной России пока не создана государственно-правовая система, которая силой закона гарантирует общество от разрушительных конфликтов, удерживает их в пределах, не подрывающих социальной стабильности. Если в индустриально развитых странах со стабильными политическими системами крупные конфликты преодолеваются с использованием переговорных механизмов, арбитража государственной власти и т.д., то в России при их возникновении применяются чрезвычайные меры успокоения (разовые финансовые вливания, личное вмешательство политиков), зачастую не решающие проблем, а загоняющие их вглубь.

В-третьих, в нашей стране не развита политическая культура компромиссов. Россия издавна была страной крайних решений, войн, революций. Традиционное российское пренебрежение к компромиссам проистекало из убеждения, что каждая проблема имеет свое окончательное, самое справедливое решение, которого нужно непременно добиваться.

Вполне возможно, что Россия, превратившаяся из аграрно-крестьянской в индустриально-урбанистическую страну, с большинством населения, имеющим среднее и высшее образование, избежит повторения катаклизмов прошлых эпох. Однако при всех существенных сдвигах исторически сложившаяся неразвитость культуры компромиссов, обуславливая отсутствие опыта в выработке процедур переговоров, стимулирует деструктивные социальные конфликты, увеличивает стихийность и непредсказуемость развития.

Пример неспособности государства адекватно реагировать на разрушительные социальные конфликты и разрешать их – его отношение к шахтерским забастовкам. До недавнего времени возбудителем этих конфликтов во многом было само государство, что проявлялось и в

пренебрежении к решению социально-бытовых проблем шахтеров, и в том, что властные структуры не отслеживали настроения в шахтерской среде, учет которых крайне важен для предотвращения открытых выступлений, и в том, что когда забастовки начинались, государство не реагировало на их возникновение, а когда они уже шли полным ходом достижение взаимоприемлемых договоренностей заменялось заведомо невыполнимыми обещаниями²². Таким образом создавался своего рода заколдованный круг: некавалифицированная управленческая политика государства, породив и не разрешив одни конфликты, готовила почву для других.

Еще более красноречивый пример – неспособность и нежелание государства справиться с противозаконной «рельсовой войной» шахтеров, нанесшей огромный ущерб российской экономике. Власти встали на путь попустительства горнякам. Угрозы руководства ряда областей силой расчистить железнодорожные пути оказались пустыми словами. Силовики, чья основная функция заключается в пресечении противозаконных действий, гордо отказывались исполнять закон, заявляя, что «своих бить не будут». Вопрос о компенсации колоссальных потерь для народного хозяйства вообще не ставился²³.

Показательно и то, что экстремистские действия в отношении железных дорог встретили сочувствие и понимание значительной части населения. Отвечая в августе 1998 г. на вопрос «Поддерживаете ли Вы лично акции протеста, которые проводятся сейчас шахтерами?», 56,7% респондентов ответили утвердительно (35,5% дали отрицательный ответ, 4,7% затруднились ответить, 3,2% «не задумывались об этом»)²⁴.

Очевидно, что противодействие разрушительным социальным конфликтам предполагает рост политической и правовой культуры населения, изменение мировоззрения людей и традиций политического процесса в обществе, почти всю свою историю находившемся во власти силовых и насильственных моделей социального устройства.

Следует также иметь в виду, что снижение остроты социального противостояния невозможно без преодоления сопротивления тех групп элиты, которые заинтересованы в существовании маргинальной массы и использовании ее недовольства в своих корпоративных интересах. Умение управлять этой массой, как показывает опыт многих стран мира, может принести немало политических дивидендов.

Перед реформаторскими силами России стоит задача научиться переводить конфликты из разрушительных, деструктивных форм в позитивно-функциональные. Иными словами, речь идет о том, чтобы «приручить конфликты», «встроить» их в систему, превратить в стимулятор развития общества. Решение этой задачи неотделимо от разработки соответствующей российским условиям теории социальных конфликтов, в частности, пока отсутствующего эффективного механизма их разрешения. Российскому обществу необходим упреждающий подход к конфликтам, их научная прогностика, предусматривающая, в числе прочего, наличие системы статистических измерителей, показывающих

²² Социальные конфликты... С. 110.

²³ Известия. 4.08.1998.

²⁴ Опрос ВЦИОМ, 1600 респондентов, выборка представительная для взрослого населения РФ, конец августа 1998 г. (электронная база ВЦИОМ).

уровень и остроту социальной напряженности, выявляющих тот ее порог, за которым «взрыв» становится вероятным или даже неизбежным.

Для предотвращения деструктивных социальных конфликтов принципиально важно сближение между властью и обществом. Нынешний хрупкий компромисс между ними может не выдержать давления ни снизу, ни сверху.

Российской власти необходимо вернуть доверие населения. Ключевое звено в решении этой задачи – эффективная социальная и управленческая политика (неотделимая, естественно, от позитивных сдвигов в экономике), способная реально обеспечить соблюдение прав трудящихся, сформировать партнерские отношения между трудом и капиталом, восстановить ответственность представителей власти за принимаемые решения. Лишь тогда, когда россияне ощутят себя гражданами в полном смысле слова, возникнет среда, необходимая для нормальных цивилизованных отношений с властью, что крайне важно для введения массового протеста в регулируемые рамки.